

СОЦИУМ КАК ПРОСТРАНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

О.Ю. ГЛУХОВА

«ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ» СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: К ВОПРОСУ О ЧЕЛОВЕКООРАЗМЕРНОСТИ ГЛОБАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

***Аннотация:** В статье рассматриваются вопросы возможных направлений систематизации некоторых представлений современной картины мира в контексте поисков решения глобальных проблем. Анализируются возможности построения необходимого единства на основании системы общества как объекта изучения и проектирования. Поднимаются вопросы о категориальных основаниях производимой систематизации и о переходе к системе глобального сообщества как предполагаемом результате такого изучения.*

***Abstract:** The article is concerned with possible guidelines for systematizing certain notions in the modern world-picture in the context of search for solution of global problems. The author presents the analysis of constructing the required unity on the basis of society system as a subject of inquiry and engineering. Also she raises a question of categorical foundations for proposed systematization and of transition to global community system as a hypothesized product of such inquiry.*

***Ключевые слова:** социальная система, глобальные проблемы, картина мира, категории, Кант, Гегель, гуманитарное измерение, пространство, время, глобальное сообщество.*

***Keywords:** social system, global problems, world-picture, categories, Kant, Hegel, human perspective, space, time, global community.*

*...Получив предупреждение не увлекаться слепо любой затеей,
которая, быть может, превосходит все наши способности,*

все же мы, не будучи в состоянии отказаться от постройки прочного жилища, составим смету на постройку здания соразмерно материалу, который дан нам и вместе с тем сообразуется с нашей потребностью.

И. Кант

К постановке проблемы системного основания картины мира

Можно приводить сколь угодно много стройных философических аргументов в пользу чистого спекулятивного познания мира и человека в этом мире. Да, познавательное значение таких направлений человеческой мысли, как математика, логика, аналитическая механика и тому подобных — неоспоримо, но также неоспорим и тот факт, что опытное знание, приобретаемое человечеством на своем историческом пути, нередко способно изменить какие-либо из наших представлений о Вселенной или о нас самих и даже повлиять на всю нашу картину мира. Не стоит и вспоминать в этой связи такой трюизм, как становление гелиоцентрической системы мира.

В наше время в различных областях науки и техники ведутся эксперименты и совершаются открытия, нуждающиеся в глубоком философском осмыслении, а значит, способные, в свою очередь, определять наши представления о том, к чему мы пришли и куда стремимся, о новых возможностях в развитии человеческой цивилизации. Это представляется особенно актуальным для современной эпохи мировых вызовов и глобальных проблем. Ставший едва ли не общим местом многих научных и философских исследований эколого-социально-экономический кризис наших дней — «системный кризис» — едва ли сможет встретить правильную оценку ситуации и последующие принимаемые меры без системной же картины мира. А последняя как раз и формируется (или же не формируется) в зависимости от того, какую общетеоретическую и философскую интерпретацию получают достижения научного (естественнонаучного и социально-гуманитарного), а может, даже и вненаучного познания: интерпретацию, упорядоченную некоей системообразующей «канвой» или же эклектическую, фактически равнозначную своему отсутствию¹.

В разное время с проблемой систематизации картины мира по мере ее расширения, углубления и обогащения сталкивались разные мыслители. Не подгоняемые ветром истории и глобальных перемен, который бушевал бы по планете, они могли долго дискутировать о том, что, в итоге,

¹ Какой-либо третий вариант, что философия, будучи учением о взаимоотношениях мира и человека, может при этом от комментариев по поводу таких мировоззренческих изменений попросту воздержаться, — не рассматривается по определению.

должна представлять собой искомая упорядочивающая «канва»: некоторую субстанциальную первооснову, или умопостижимый первопринцип, или, может быть, она не нужна и вовсе. Так или иначе, в результате этих интеллектуальных манипуляций не отдельные фрагменты картины мира, уже имевшиеся и обретаемые, укладывались на единое философское основание, а, напротив, сама философия распалась, например, на теорию бытия и теорию познания, философию науки и философию общества, другие дисциплины, явившие собой, таким образом, не философскую систематизацию, а лишь дисциплинарную классификацию.

Как следствие, сегодняшнее состояние философии, или, скорее, «философий» (или, в конце концов, по меткому замечанию Э. Гуссерля, множества воззрений, разобщенных между собой философов²) не только не обеспечивает прочного фундамента для взаимной поддержки новых, например, потенциалов науки и новых запросов глобального общества, но и само требует сколько-нибудь устойчивой опоры.

Получается своеобразный замкнутый методологический круг, который в свое время был весьма предусмотрительно описан В.С. Степным: (1) картина мира, которая нуждается в (2) философии, её упорядочивающей – посредством системообразующей «канвы», увязывающей между собой наиболее общие смыслы картины мира, так называемые (3) философские категории, обеспечивающие за счет своей логически-понятийной формы (4) философские основания уже для строгих научных смыслов с их понятийностью и логичностью, формирующих уже (5) научную картину мира, находящую своё воплощение в (6) науке, в том числе, например, естественных и социогуманитарных науках вообще, конкретных науках в частности, обобщающих теориях внутри конкретных наук и т.д., которые неотъемлемой частью входят в состав в целом (7) картины мира³.

Казалось бы, при такой мировоззренческой и методологической безысходности неоткуда и взяться как изменениям в картине мира, так и новым эвристическим находкам и приобретениям. Тем не менее, картина мира в последнем пункте (7) являет собой уже не то же самое, что картина мира в точке отсчета (1), и, оставляя на откуп Г. Гегелю эти парадоксы диалектического отрицания и снятия, мы пока просто сосредоточимся на существовании проблемы.

² Гуссерль Э. Картезианские размышления // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – С. 328-329.

³ См.: Степин В. С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В.С. Степин, Л.Ф. Кузнецова. – М.: ИФРАН, 1994. – С. 19-27.

А именно, к настоящему времени человечество накопило огромные запасы знаний и опыта, успешно применяемые им к решению огромного количества частных задач, однако почти не используемые для устранения одной-единственной общей проблемы: потребности в преодолении мирового системного кризиса и устроении для себя устойчиво развивающегося планетарного дома. И, «не будучи в состоянии отказаться от постройки прочного жилища, составим смету на постройку здания соразмерно материалу, который дан нам и вместе с тем сообразуется с нашей потребностью»⁴, иными словами, рассмотрим некоторые мировоззренческие положения современной науки в их отношении к мировоззренческой составляющей нынешних глобальных проблем. При этом не будем забывать, что любая «смета» всегда отражает лишь предварительный учет «материала», необходимого для реализации проекта, и чем сложнее проектируемый объект, тем грубее и приближеннее оказывается такой учет.

Социогуманитарное знание в системе современной картины мира

Если в XVII–XVIII и первой половине XIX в. объектами внимания науки были простые (малые) механические системы, такие как часовые механизмы и автомобили, а мировоззренческий образ часов властвовал даже над умами, например, социологов (вспомним социальную механику О. Конта), то к началу XX в. картина мира заметно изменилась. Открытия, связанные с теорией относительности и квантовой механикой, привнесли в картину мира осязаемый акцент на дополнении и релятивизме и были отмечены возрастанием интереса к сложным (большим) автоматизированным объектам: системам управления космическими кораблями, биогеоценозам или, например, обществу как организму.

Во второй половине XX в., в связи с успехами, главным образом, синергетического направления исследований, повышенное внимание было сосредоточено на сложных саморазвивающихся системных объектах и на мировоззренческой роли идеи исторического развития⁵. В поле зрения науки попали такие объекты, как «...системы современного проектирования, когда берется не только та или иная технико-технологическая система, но еще более сложный развивающийся комплекс: человек — технико-технологическая система, плюс экологическая система, плюс куль-

⁴ Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. — М.: Мысль, 1994. — С. 420.

⁵ См.: Степин В.С. Онтология постклассической науки (на пути к новой метафизике) // Метафизика. Век XXI. Альманах. Выпуск 2: Сборник статей / Ред. Ю.С. Владимирова. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. — С. 53-56.

турная среда, принимающая новую технологию, и весь этот комплекс рассматривается в развитии»⁶. Кажется, что соответствующий научно-исследовательский арсенал должен был давно уже сыграть свою миротворческую роль в деле объединения всевозможных потенциалов человечества против пресловутых глобальных проблем—даром что речь здесь не заходит о философских первоосновах и первопринципах. Однако на чем же тогда держится провозглашаемое единство рассмотрения этого самого «комплекса» (и держится ли вообще)?

Похожие вопросы в адрес «универсальной» синергетики действительно нередко звучат со страниц научных журналов и монографий, в числе которых одним из наиболее показательных может считаться первый выпуск, так называемый «бюллетень», альманаха «В защиту науки», гласящий буквально следующее: «...Многие не слишком критичные ученые стали представлять себе и широкой общественности синергетику как панацею, решающую коренные вопросы во всех науках, в том числе — в гуманитарных... Раньше, мол, мы не понимали существенности нелинейных процессов в мире и не учитывали их. Теперь мы видим их принципиальную важность. Старые теории несовершенны, и новые подходы обещают привести к решительным улучшениям... Ничего нового в их делах не появилось с возникновением синергетики»⁷. Такой внутренне противоречивый пассаж (гуманитарные науки заговорили о нелинейных процессах — но при этом ничего нового в них не появилось) о вовлеченности социогуманитарной области знания в синергетическое объединение нуждается, конечно, в дальнейших разъяснениях, которые тоже находятся достаточно быстро. Исследовательский аппарат синергетики невозможно должным образом применить к изучению объектов социально-гуманитарного познания, потому что он основан на математике, без которой исследование-де не будет отличаться глубиной; без которой оно будет перегружено деталями; без которой оно в целом окажется лишенным эстетики; и, наконец, понизит популярность и рейтинг самого синергетического учения⁸.

Подобные аргументы против «гуманитарной синергетики», особенно те, которые о рейтинге и популярности наук в ситуации междисциплинарного взаимодействия, следовало бы дополнить лишь цитатами, к

⁶ Там же. — С. 56.

⁷ Губин В.Б. Псевдосинергетика — новейшая лженаука // В защиту науки. Бюл. № 1 / Отв. ред. Э.П. Кругляков; Комис. по борьбе с лженаукой и фальсификацией науч. исслед. РАН. — М.: Наука, 2006. — С. 111-112.

⁸ См.: Чернавский Д.С. Синергетика и информация (динамическая теория информации) / Послел. Г.Г. Малинецкого. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — С. 82-84.

примеру, из рубрики «физики шутят», наподобие того, что «науки бывают естественные, неестественные и противоестественные»⁹ или же что разница между естественнонаучным и социогуманитарным знанием такая же, как между астрономией и астрологией¹⁰.

Однако довод о значении математических оснований синергетики заслуживает здесь более серьезного внимания. Действительно, эта теория сложных саморазвивающихся систем, будучи основанной известными физиками Г. Хакеном (в Германии) и И. Пригожиным (в Бельгии), исторически явилась, прежде всего, знанием физико-математическим. Но разве математический характер теории способен помешать ее успешному применению в самых разных сферах познавательной деятельности? Ведь и самим пионерам синергетики их наука представлялась вовсе не как нагромождение безликих вычислений, но едва ли не в качестве альтернативы философскому познанию.

Так, например, Пригожин вспоминает о побудительных мотивах своего исследовательского творчества: «Меня чрезвычайно интересовала проблема жизни...могут ли неравновесные ситуации быть стабильными... Я всегда думал, что само существование жизни говорит нам нечто очень важное о природе. Вселенная без жизни была бы другой вселенной; следовательно, и обратно, если жизнь существует, то это говорит нам о чем-то и в терминах законов физики...»¹¹. Не менее масштабные перспективы обещает синергетике и Хакен, применяя к ней самые общие характеристики:

«1. Исследуемые системы состоят из нескольких или многих одинаковых или разнородных частей, которые находятся во взаимодействии друг с другом.

2. Эти системы являются нелинейными.

3. При рассмотрении физических, химических и биологических систем речь идет об открытых системах, далеких от теплового равновесия.

4. Эти системы подвержены внутренним и внешним колебаниям.

5. Системы могут стать нестабильными.

6. Происходят качественные изменения.

7. В этих системах обнаруживаются эмерджентные новые качества.

8. Возникают пространственные, временные, пространственно-временные или функциональные структуры.

⁹ *Бессараб М.Я.* Так говорил Ландау. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004. – С. 52.

¹⁰ Bartley W.W., III. *Biology & Evolutionary Epistemology // Philosophia.* – 1976. – Vol. 6. – N 3-4. – P. 463.

¹¹ *Paslack R.* *Urgeschichte der Selbstorganisation: Zur Archdologie eines Wissenschaftlichen Paradigmas.* – Berlin: Springer-Verlag, 2013. – S. 96-97.

9. Структуры могут быть упорядоченными или хаотическими.

10. Во многих случаях возможна математизация.»¹²

Как видим, изучаемые синергетикой закономерности во многом описываются в терминах части и целого, количества и качества, пространства и времени, жизни и смерти, и т.д., в чем без труда узнаются философские категории. Так почему же возникают затруднения при апплицировании этих универсальных категорий к вопросам социогуманитарного познания? Думается, ответ следует искать в том пункте, который говорит о возможности математизации. Объяснением тому может послужить идея, с которой мы и начали наше рассуждение, но которая сама теперь нуждается в дополнительном разъяснении: о том, что логико-математический фундамент в основе познавательной деятельности находится как будто в противоречии с чувственно-эмпирической основой.

В самом деле, на указанное свойство человеческого познания обратили внимание многие мыслители. Те же Кант и Гегель, анализируя основания познавательной деятельности, пришли к выводу об определяющем значении либо чувственного восприятия действительности (хотя и преломленного сквозь призму логико-категориального познания – Кант), либо неких познавательных абстракций (имеющих, правда, бытийный статус – Гегель), но никогда не вместе. Социально-гуманитарное познание, руководствуясь (по восходящему к В. Дильтею различению) методом понимания и «вчувствования», коррелирует, прежде всего, с чувственно-эмпирическим постижением действительности, тогда как естественнонаучное познание (в том числе и синергетическое) основывается на методе абстрактно-логического объяснения.

Поэтому для обозначившейся в наши дни потребности в сложносистемном познании синергетика, при всех ее несомненных методологических преимуществах, оказывается все-таки недостаточной. Чего ей, в первую очередь, не хватает, так это «человеческого лица», гуманитарного измерения, которое хотя и провозглашается в форме утверждений о ключевой роли исторического времени в синергетическом учении, о вовлеченности в сферу его ответственности человека и культуры, но на деле оказывается методологически неприспособленным под изучение этих декларируемых подсистем единого сложносистемного комплекса. И правда, как математизировать историю и культуру? Можно ли вывести формулу человека? По-видимому, хотя синергетика и обратила внимание на основополагающую роль идеи времени для изучения сложных саморазвиваю-

¹² Данилов Ю.А. Синергетика – наука о самоорганизации // Прекрасный мир науки: Сборник. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – С. 149.

щихся систем, но время еще не есть история, и переход от идеи математического «четвертого измерения», как некогда А. Эйнштейн обозначил физическую величину времени, к человекообразной идее времени исторического развития должен оказаться нетривиальным.

Проблема категориальных оснований картины мира

Об устойчивом развитии общества. Если единства между пониманием и чувствованием «четвертого измерения» системных объектов нет в естественных и социогуманитарных науках, и нет его даже в «философиях» (к примеру, в лице Канта и Гегеля), то где-то же оно должно быть, раз мы обозначаем ими совершенно, якобы, разного порядка явления, протекающие во времени? Что ж, по крайней мере, это единство есть где-то на просторах нашей необъятной картины мира, и, как резонно заметили бы представители Московского методологического кружка, при проектировании некоторой системы надо озаботиться не чем-нибудь, а, прежде всего, необходимыми преобразованиями этой системы, для чего «...нужно знать и описать определенное функционирование системы, а материал, который будет обеспечивать это функционирование, — вторичное дело»¹³. Особенно когда такой материал ограничен лишь пределами всей картины мира современности.

Тогда возьмём и вообразим, —ни много ни мало —что, в общих чертах, должно бы представлять собой наше планетарное общежитие. В этом отношении недостатка в теоретических конструкциях и концепциях (в отличие от предложений по методам их реализации) точно не наблюдается, и, в целях приведения к общему знаменателю, мы рассмотрим пример с наиболее разветвленной и проработанной среди имеющихся — концепцией *устойчивого развития*.

Согласно этому теоретическому и мировоззренческому построению, наша глобальная саморазвивающаяся система должна явить собой гармоничное единство разных граней жизни человека в окружающем мире: экологической, отражающей взаимоотношения между человеком и природой; экономической, выражающей особенности удовлетворения человеком своих потребностей; и социальной, которую в последнее время все чаще конкретизируют в форме ее политической и культурной составляющих¹⁴, со-

¹³ Шедровицкий Г.П. Два понятия системы // Шедровицкий Г.П. Избранные труды. — М.: Школа культурной политики, 1995. — С. 230.

¹⁴ Например: James P. *Urban Sustainability in Theory and Practice: Circles of Sustainability* / With L. Magee, A. Scerri, M.B. Steger. — London: Routledge, 2015. — P. xiii; см. также Hawkes J. *The Fourth Pillar of Sustainability: Culture's Essential Role in Public Planning*. — Melbourne: Common Ground Publishing & Cultural Development Network, 2001.

относящихся, соответственно, с общественными взаимоотношениями и совокупной познавательной-творческой деятельностью.

То, какие преобразования требуются сложной глобальной системе для достижения таких характеристик её функционирования, обычно выражается в виде многосоставного перечня проблем и задач, ожидающих решения, таких как проблема давления общества на среду, голода, нищеты, безграмотности, международной преступности, терроризма и наркотерроризма, оружия массового уничтожения, ядерных отходов и т.д. При этом, пронизательно обобщая возможные пути выхода из сложившейся ситуации, «сторонники концепции устойчивого развития согласны в том, что только социальная трансформация способна обеспечить адекватный ответ на острейшие экологические, социальные и экономические проблемы»¹⁵.

Каковы же эти насущные социальные преобразования? Концепция пытается донести до нас ответ посредством определения своего стержневого, а значит, наиболее часто воспроизводимого, понятия — устойчивого развития: это такое развитие, при котором «...удовлетворение потребностей настоящего времени не подрывает способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»¹⁶. Действительно, такое лаконичное определение оказывается весьма емким, имплицитно заключающая в себе неизбежные выводы и об ожидаемом образе глобального человеческого общежития, и о потенциальных трансформациях в обществе, а точнее, видимо, в его мировоззрении.

Общественное мировоззрение, поколения будущего... Ну вот, в лучших традициях «замкнутого круга», мы снова приходим к идее времени в нашей картине мира. Однако гегелевская диалектика срабатывает безошибочно, и в пункте прибытия мы уже и в самом деле имеем не то же, что в точке отсчета: не просто мировоззрение и картину мира, но картину мира общества; не просто будущее или какое бы то ни было время, но время сменяющихся поколений общества, социума — «четвертое измерение» социальной системы (или подсистемы, если брать за основу глобальное сложносистемное единство). Таким образом, едва лишь начав рисовать себе должное функционирование социальной системы и нужные для этого преобразования, мы сразу же вновь оказались перед вопросом о необходимом материале — только на этот раз уже имея под рукой конкретное руководство к действию.

¹⁵ Бехманн Г. Устойчивого развития концепция // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». — М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. — С. 1053.

¹⁶ Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). — М.: Прогресс, 1989. — С. 12.

Значит, если недостающее наукам и «философиям» единство в отношении, например, вопросов о времени предположительно можно найти где-нибудь в бесконечности картины мира, а (как минимум) в совокупности заложенных в ней представлений об обществе, то мы уже больше не дрейфуем в неопределенности и приобретаем некоторую точку опоры.

К проектированию категориальной системы картины мира. Далее, если «наиболее общие смыслы картины мира» — философские категории, — не говоря уже о смыслах научного (естественнонаучного и социогуманитарного) и, тем более, вненаучного познания, будучи выведенными между собой несовместимыми методами, сами оказываются, на первый взгляд, несовместимы, то, так и быть, расположим эти категории (а затем и более частные мировоззренческие смыслы) на разных плоскостях.

Например, полученные понимающими методами категории разложим по вертикальной плоскости, а объясняющими — по горизонтальной (почему плоскости, или даже мысленные объемы, пересекаются, понятно: потому что у них одна точка опоры). Проще говоря, отложим, допустим, по одной оси категории Канта, а по другой — категории Гегеля¹⁷.

Как известно, в качестве кантовских категорий наиболее часто называют его знаменитые двенадцать категорий (парные и непарные), разбитые на четыре группы:

- 1) категории количества (единство, множественность, целокупность);
- 2) категории качества (реальность, отрицание, ограничение);
- 3) категории отношения (присущность и самостоятельное существование, причинность и зависимость, общение);
- 4) категории модальности (возможность — невозможность, существование — не существование, необходимость — случайность)¹⁸.

Категории Гегеля являют собой еще более сложную систему, где каждая категория, тезис, переходит в свою противоположность — антитезис, и вместе они образуют новую категорию — синтез (начиная с чистого бытия и его противоположности — ничто — осуществляется сначала переход к их соединению, наличному бытию, как возникновению, уничтожению и становлению). Затем бытие характеризуется категориями качества, ко-

¹⁷ В строгом понимании, кантовские категории как априорные чистые понятия рассудка выявляются, естественно, не из опыта, но «на фоне» опыта, однако, в любом случае, это происходит на основании чувственного восприятия действительности, в противоположность абстрактно-логическому познанию. См.: *Кант И. Критика чистого разума* / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. — М.: Мысль, 1994. — С. 86.

¹⁸ См.: *Кант И. Критика чистого разума* / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. — М.: Мысль, 1994. — С. 86-87.

личества и меры, вслед за чем выясняется побудительная сила всех этих переходов, которой оказывается сущность, и т.д.

Спрашивается: по какому принципу всё это расположить относительно нашего «центра координат», не говоря уже о том, как потом это взаимно совместить? Но тут к Канту возникает один вопрос: если его двенадцать категорий разделены на некоторые группы (количество, качество, отношение, модальность), тогда сами группы — это что? Гегель бы, очевидно, назвал именно их категориями, но тогда что такое оставшиеся двенадцать — «подкатегории»? Следуя логике нашего рассуждения, «наиболее общих смыслов картины мира» у Канта насчитывается их четыре. Но тогда с аналогичным вопросом можно обратиться и к Гегелю: почему тезис, антитезис и синтез не объявляются им высшими категориями?

Вообще, в первом издании «Критики чистого разума» Кант особое внимание уделил не категориям, относящимся к объектам восприятия в общем, а тем категориям, которые относятся к восприятию, «душе», направленной на самое себя. И вот уже этих категорий у философа оказалось четыре, причем они во многом совпали с его «группами» (количество, качество, отношение и модальность), В свою очередь «категориями души» стали:

- (1) единство при множественности во времени;
- (2) единство качества, за счет восприятия своего реального целого как простого;
- (3) единство отношения, благодаря «субсистенции» — присущности души не чему-то, а самой себе;
- (4) единство существования в пространстве: множество пространственных объектов сливается в едином существовании души¹⁹.

Претензии к Гегелю тоже не остаются без своего логического развития: они находят воплощение в возможности иной трактовки гегелевских тезиса, антитезиса и синтеза. Тезис — это (а) изначально слитное единство общего и частного, которое затем раздваивается на эти же начала в их отвлечении: (б) отвлеченное общее и (в) отвлеченное частное —и, наконец, объединяется на новом уровне в синтезе (г) высшего единства²⁰.

Такая критика представляется заслуживающей внимания хотя бы на том простом основании, что при переходе тезиса в антитезис что-то еще от тезиса все-таки должно сохраняться, ибо потом антитезису совершенно не с чем будет «синтезироваться». Более серьезно, Гегелю, в общем-то, не раз ставился в упрек несколько искусственный характер его категори-

¹⁹ Там же. — С. 544.

²⁰ Чичерин Б.Н. Наука и религия / Вступ. ст. В.Н. Жукова. — М.: Республика, 1999. — С. 82.

альной системы, стремящейся подогнать все, что только можно, под триады (чаще всего такие нарекания звучали в отечественной философии, причем с самых разных сторон²¹).

И вот теперь еще раз зададимся вопросом: как разместить Гегеля и Канта в единой «системе координат»? С учетом изложенных дополнений эта задача больше не выглядит такой уж неразрешимой. Сразу обращает на себя внимание совпадение числа кантовских и гегелевских категорий в предложенных категориальных схемах: так рассмотрим их относительно друг друга, расстелив и ту, и другую на наших ортогональных плоскостях.

Поскольку в качестве «начала координат» мы взяли общество как объект, то и вертикаль, и горизонталь оказываются теперь проекциями общества. По вертикали, кантовская «душа», которую следует понимать в обычном психологическом смысле²², есть по отношению к обществу, таким образом, душа отдельного индивида (с позволения социальной философии), который, следовательно, должен быть рассмотрен как подсистема в системе общества.

По горизонтали, индивид (вместе, разумеется, с его душой) прямо подпадает под (гегелевскую) категорию (а) изначального слитного единства — по соответствию своего определения, во-первых, и по несоответствию трем другим категориям, во-вторых, то есть (б, в) отвлеченные от объекта начала — это уже не сам объект, а хотя бы свойства объекта; а единством (г) высшего уровня, с точки зрения систем-подсистем, оказывается тогда уже не индивид, а общество.

По вертикали, (2) единство качества и (3) единство отношения представляют собой (в отличие от (1) единства во времени и (4) единства существования в пространстве) именно отвлеченные начала и, возможно, оказываются ортогонально сопряженными с (б, в) отвлеченными началами по горизонтали: и действительно, (2) единство качества — это безотносительное свойство души, это её (в) отвлеченное частное, тогда как (3) единство отношения — это не-присущность души чему-то, кроме самой себя, это ее отношение к (б) общему.

По горизонтали, (г) высшее единство (общество) прямо сопрягается со множеством пространственных объектов (4), сливающихся в воспринимающей деятельности души. Но тогда...

²¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 1. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — С. 582; Гиляров-Платонов Н.П. Онтология Гегеля // Вопросы философии и психологии. — М., 1891. — Год II, кн. 8. — С. 1-27; Год II, кн. 10. — С. 19-40; Год II, кн. 11. — С. 24-45.

²² См.: Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. — М.: Мысль, 1994. — С. 543-544.

Тогда у нас остается только (а) изначально слитное единство индивида и (1) единство его души при её множественности во времени. Единство индивида, единство его души и (надо надеяться) единство индивида с душой, но при этом — множественность души во времени. Что это? Нам оставалось привести в соответствие лишь последние узлы двух, как поначалу казалось, столь несовместимых категориальных сеток, а теперь оказывается, что для обоснования последнего соответствия требуется включать в системный объект (общество) — не его отвлеченные характеристики, а некую «множественность души во времени».

С отвлеченными началами ясно: душа и сама может быть рассмотрена (и часто рассматривается) как отвлеченное начало, как свойство, характеристика человека (индивида) (и тогда отвлеченные начала самой души оказываются отвлечением отвлечений; отвлечением второго порядка). С не-отвлеченным единством индивида и его души тоже более или менее понятно — существует великое множество трактовок такого единства: объект-объектные, объект-субъектные, субъект-объектные и даже субъект-субъектные.

Но «множественность души во времени» ... в системе общества? А, собственно, почему бы нам не сделать такое допущение? Нам ведь необходимо было человеческое измерение социальной системы, а синергетике не хватало гуманитарного облика для построения своего «четвертого измерения», времени. Так вот оно «четвертое измерение» социальной системы — это «внутренняя жизнь» человека, её существование во времени, развитие его души. Очевидно, что при таком направлении исследований привычные представления о времени в их связи с изучением некоторых сложносистемных объектов — о времени как о прямой линии со стрелкой на конце — придется существенно переработать.

К вопросу о гуманитарном измерении системы общества и о глобальном сообществе

«Человекоразмерность» в качестве «четвертого измерения» системы общества — это уже не прямая линия со стрелкой, это вообще не линия, так же, как и сам человек. Конечно, некоторые научно-исследовательские подвижки в сторону концептуализации таких нетривиальных представлений о сложных саморазвивающихся системах уже наметились в научно-теоретической и философской областях: это, главным образом, те направления исследований, которые связаны с проблемой «мир Эйнштейна vs. мир Бартини». В разработках по этой тематике четырехмерное, «3+1», пространство-время Эйнштейна противопоставляется шестимерному, «3+3», пространству-времени советского ученого Р. Бар-

тини²³, и результаты такого противопоставления оказываются отнюдь не в пользу Эйнштейна. И главное, что заставляет пересмотреть сложившиеся общепризнанные, научно-теоретические и методологические представления о четырехмерном пространстве-времени, — это современные научные достижения и открытия в области изучения «человеко-размерных» системных объектов.

Прежде всего, налицо геометрическое совпадение образного представления пространства-времени по Бартини в виде двух соприкасающихся торов²⁴ (в отличие от эйнштейновской изогнутой плоскости) с расчетами, например, Института математики сердца (США), представляющими создаваемое биоэлектричеством человеческих нейронов электромагнитное поле с центром в области сердца также в форме тора²⁵. Поскольку измеримые параметры сердечной деятельности находятся в прямой корреляции с эмоциональным состоянием человека, которое, в свою очередь, во многом определяется таинственными процессами в его внутреннем мире, постольку же можно предположить, что то, что мы обобщенно именовали душой, находится в отношениях вполне формализуемой взаимосвязи с изучаемым окружающим миром. А это, в свой черед, обосновало бы и возможность привязки всего объема внутреннего мира человека к объему внешнего, окружающего его мира, к примеру, по всё той же модели «3+3».

И в самом деле: не говоря уже о том, что особенности внутреннего мира человека, его состояние под воздействием окружающих событий, его видение прошлого и представления о будущем влияют на внешний мир посредством его поступков и действий (по идее, одного этого было бы уже достаточно, чтобы привязать внутренний мир человека ко внешнему), все эти особенности также оказываются в некоем непосредственном взаимодействии со свойствами объектов окружающего пространства. Речь идет о результатах таких экспериментов, как, например, изучение влияния эмоционального состояния человека на конфигурацию помещенной в пробирку молекулы ДНК²⁶. Или приведу другой пример: изучение так называемой «психофизиологической когерентности» — взаимосвязи

²³ Кузнецов О.Л. Система природа-общество-человек: устойчивое развитие / О.Л. Кузнецов, П.Г. Кузнецов, Б.Е. Большаков. — М.; Дубна: Изд. дом «Ноосфера», 2000. — С.101-103.

²⁴ Там же. — С. 357-358.

²⁵ См.: Пелипенко А.А. Постигание культуры: в 2 ч. Ч. 1. Культура смысл. — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 150; См. также McCraty R. *Science of the Heart: Exploring the Role of the Heart in Human Performance* / R. McCraty, M. Atkinson, D. Tomasino. — Boulder Creek, CA: Institute of Heart Math, 2001.

²⁶ См.: Пелипенко А.А. Постигание культуры: в 2 ч. Ч. 1. Культура и смысл. — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 43, 150.

между измеримыми параметрами сердечной активности и состояниями, подобными трансперсональным переживаниям²⁷.

Не меньшие поправки в научно-философское понимание времени в системе сложных саморазвивающихся объектов способны внести также перспективные исследования человеческого мозга с точки зрения его макроквантовых корреляций. Все эти наработки так или иначе побуждают к тому, чтобы «гуманитарное измерение» сложносистемного единства и весь корпус исследовательских материалов, с ним связанный, не просто допускался, но активно привлекался к разработке идей и проектов бескризисного, устойчивого будущего.

Так, например, упомянутые выше исследования по проблемам концептуализации и формализации глубинного, фундаментального единства человека и окружающего мира поднимает вопрос о значении соответствующих тому выводов философии науки для решения актуальных проблем социальной философии. Именно, научно-теоретическое и онтологическое значение внутренней жизни человека предполагает его дальнейшее рассмотрение не только как подсистемы относительно глобальной сложной системы, но и как подсистемы относительно других таких же подсистем.

В частности, очерченный круг разработок на переднем крае естествознания и психологии ставит вопрос о первостепенном значении этих же работ и для социальной философии: в сфере ответственности вопросы глубинного системного единства преломляются гранями системы общества в качестве такого единства и с новой силой проблематизируют уже упомянутые трансперсональность, интересубъективность, практики символических интеракций и др. В свете современной сложносистемной картины мира подобные объекты исследования приобретают особое значение, ибо заставляют пересмотреть сущностные особенности также и социально-философского познания²⁸. Фундаментальная роль «человеческого измерения» и сущностный характер межличностных отношений в глобальной системе общества, по сути, сплетает некой невидимой «канвой» в глобальное сообщество — гибкое и подвижное, текучее единство, само существование которого может нивелировать многие противоречия между разными воззрениями в социальной философии²⁹.

Но для того чтобы обстоятельно изучить (а для начала хотя бы отчетливо увидеть) такой объект, как глобальное сообщество, далеко не-

²⁷ Childre D. Psychophysiological Correlates of Spiritual Experience / D. Childre, R. McCraty // Biofeedback. — 2001. — Vol. 29. — N 4.

²⁸ См.: Резник Ю.М. На пути к постгражданской общественности // Управление мегаполисом. — 2012. — № 3. — С. 35-46.

²⁹ Там же. — С. 41.

достаточно просто заметить существование проблемы. Да и заметить-то его зачастую оказывается делом нелёгким, но коль скоро это сделано, первоочередной становится задача поиска адекватной новому объекту онтологии, через призму категорий которой будет в дальнейшем исследоваться этот объект. «Адекватная объекту категориальная структура должна быть выработана заранее, как предпосылка и условие познания и понимания новых типов объектов»³⁰. Для такого изменчивого и динамично развивающегося системного объекта, как глобальное сообщество, наиболее адекватной должна быть такая же изменчивая и подвижная система категорий: раз уж человек так стремится встроиться в систему мира в качестве его «четвертого измерения», то подходящая онтология должна учесть возможные для того последствия. Учесть, что, решив стать временем, человек оказался, — как образно выражается П.К. Гречко, — «ограничен бесконечностью», — и затем добавляет, что теперь требуется своеобразная «текущая онтология» этой сложной системы современного мира³¹.

Некоторое первичное подобие искомой «текучей онтологии» для изучения глобального сообщества может дать описанная выше система взаимно преломляющихся и отражающихся категориальных решеток, построенная на основе исходных схем категорий по Канту и Гегелю. Еще больше обнадеживает тот факт, что многие другие системы «наиболее общих смыслов» в истории философии, категоризирующие всё тот же мир и в нём человека, обнаруживают, подобно приведенной в своей основе каркас из четырех категорий и могут быть использованы для расширения и детализации «текучей онтологии» в системе глобального сообщества: это и «четверица» Платона в трактовке А.Ф. Лосева, и логический квадрат Аристотеля, и известная диссертация А. Шопенгауэра «О четвероюм корне закона достаточного основания», и сферы бытия Дж. Сантаяны, и классы ценностей М. Шелера, и четвертый ипостасный элемент в триединстве П.А. Флоренского, и кардинальные добродетели в христианском богословии...И хотя даже такая разнообразная онтология носила бы на себе печать искусственности, совсем без нее познающее мышление было бы невозможно, имел бы место лишь «уходящий в бесконечность горизонт» познания³².

³⁰ Степин В.С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В.С. Степин, Л.Ф. Кузнецова. — М.: ИФРАН, 1994. — С. 21.

³¹ См.: «flow ontology», см. Гречко П.К. Парадигмальная эвристика сложностного (complexity) мышления [Электронный ресурс] // URL:<http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/174790/> (дата обращения: 28.02.2016).

³² Там же.

Так что, в целом материала для нашей ожидаемой «сметы» обозначилось более чем достаточно, но возможность составления всей необходимой «проектной документации», равно как и предполагаемые пути и методы реализации сложносистемного проекта, все же не теряются из виду. А значит, очерченная идея «гуманитарного измерения» в системе глобального сообщества действительно может оказаться небесполезной для будущих изысканий при поиске решений глобальных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессараб М.Я. Так говорил Ландау. — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004. — 128 с.
2. Бехманн Г. Устойчивого развития концепция // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». — М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. — С. 1052-1058.
3. В защиту науки. Бюллетень № 1 / Отв. ред. Э.П. Кругляков; Комис. по борьбе с лже-наукой и фальсификацией науч. исслед. РАН. — М.: Наука, 2006. — 182 с.
4. Гильером-Платонов Н.П. Онтология Гегеля // Вопросы философии и психологии. — М., 1891. — Год II, кн. 8. — С. 1-27; Год II, кн. 10. — С. 19-40; Год II, кн. 11. — С. 24-45.
5. Гуссерль Э. Картезианские размышления // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. — Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. — С. 324-542.
6. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. — М.: Мысль, 1994. — 591 с.
7. Кузнецов О.Л. Система природа-общество-человек: устойчивое развитие / О.Л. Кузнецов, П.Г. Кузнецов, Б.Е. Большаков. — М.; Дубна: Изд. дом «Ноосфера», 2000. — 390 с.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 1. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — 662 с.
9. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). — М.: Прогресс, 1989. — 372 с.
10. Пелипенко А.А. Постигание культуры: в 2 ч. Ч. 1. Культура и смысл. — М.: РОС-СПЭН, 2012. — 607 с.
11. Прекрасный мир науки: Сборник. — М.: Прогресс-Традиция, 2008. — 384 с.
12. Резник Ю.М. На пути к постгражданской общественности // Управление мегаполисом. — 2012. — № 3. — С. 35-46.
13. Степин В.С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В.С. Степин, Л.Ф. Кузнецова. — М.: ИФРАН, 1994. — 274 с.
14. Степин В.С. Онтологии постклассической науки (на пути к новой метафизике) // Метафизика. Век XXI. Альманах. Выпуск 2: Сборник статей / Ред. Ю.С. Владимирова. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. — 368 с.
15. Чернавский Д.С. Синергетика и информатика (динамическая теория информации) / Послесл. Г.Г. Малинецкого. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 288 с.
16. Чичерин Б.Н. Наука и религия / Вступ. ст. В.Н. Жукова. — М.: Республика, 1999. — 495 с.
17. Щедровицкий Г.П. Два понятия системы // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. — М.: Школа культурной политики, 1995. — С. 228-232.
18. Bartley W.W., III. Biology & Evolutionary Epistemology // *Philosophia*. — 1976. — Vol. 6. — № 3-4. — P. 463-494.

19. Childre D. Psychophysiological Correlates of Spiritual Experience / D. Childre, R. McCraty // *Biofeedback*. – Winter 2001. – 29(4). – P. 13-17.
20. Hawkes J. *The Fourth Pillar of Sustainability: Culture's Essential Role in Public Planning*. – Melbourne: Common Ground Publishing & Cultural Development Network, 2001.
21. James P. *Urban Sustainability in Theory and Practice: Circles of Sustainability* / With L. Magee, A. Scerri, M.B. Steger. – London: Routledge, 2015.
22. McCraty R. *Science of the Heart: Exploring the Role of the Heart in Human Performance* / R. McCraty, M. Atkinson, D. Tomasino. – Boulder Creek, CA: Institute of HeartMath, 2001.
23. Paslack R. *Urgeschichte der Selbstorganisation: Zur Archäologie eines Wissenschaftlichen Paradigmas*. – Berlin: Springer-Verlag, 2013.